

Мои университеты

Автор:

Мария Метлицкая

Мои университеты

Мария Метлицкая

«Моя первая свекровь, Регина Борисовна, была из актрис. Точнее – из бывших актрис. Еще точнее – из бывших актрис Театра оперетты. Тяжелый, густой и страшный замес кровей: польской, литовской и грузинской – давал о себе знать, играя затейливыми гранями. Безусловная красавица – тогда ей было лет пятьдесят, и мне она казалась красавицей бывшей, – к быту она относилась пренебрежительно. Женщины, варящие борщ, вызывали у нее презрение, брезгливость и жалость. В ней замечательно уживался грузинский темперамент, литовское спокойствие и польская расчетливость – в зависимости от ситуации...»

Мария Метлицкая

Мои университеты

Моя первая свекровь, Регина Борисовна, была из актрис. Точнее – из бывших актрис. Еще точнее – из бывших актрис Театра оперетты. Тяжелый, густой и страшный замес кровей: польской, литовской и грузинской – давал о себе знать, играя затейливыми гранями. Безусловная красавица – тогда ей было лет пятьдесят, и мне она казалась красавицей бывшей, – к быту она относилась пренебрежительно. Женщины, варящие борщ, вызывали у нее презрение, брезгливость и жалость. В ней замечательно уживался грузинский темперамент, литовское спокойствие и польская расчетливость – в зависимости от ситуации.

Была Регина Борисовна высока, стройна, кареглаза и темноволоса. Естественно, мужчин в ее жизни имелось множество, и все они отличались внушительностью

и значительностью – и внешне, и по положению. В общем, под стать ей самой. Все были небедны и оставляли после себя неплохую память. Свекровь с удовольствием демонстрировала знаки любви и внимания, преподнесенные ими в период их отношений.

Ее единственный сын Герман стал моим первым мужем. К сыну Регина Борисовна относилась с легким пренебрежением – уж точно не материнство она считала главным увлечением своей жизни.

Сын Герман тоже был красавец. И бездельник. И непризнанный гений – так считал он, но еще сильнее уверена в этом была я. И верила, свято верила в его счастливую звезду. Был он художником. Работать не любил, хотя, наверное, талант у него имелся. Зато любил пить, гулять и веселиться – словом, тусоваться.

Пожились мы странно и скоропалительно. Оба сильно удивились полному взаимопониманию и совпадению в интимной сфере – в молодости казалось, что это важнее всего. И верили, что на этом можно построить брак. Но что мы понимали тогда? Два двадцатилетних избалованных ребенка, которым никто не объяснил, что такое семейная жизнь. Да и стали бы мы кого-нибудь слушать тогда? Вряд ли. Влюбленные до обморока и измученные бессонными ночами, мы неумело начали строить свою семью. Вернее, это начала делать я одна. Гера в этом участия не принимал. Собственно, его жизнь фактически не изменилась. Он остался в собственной квартире, так же вставал в двенадцать дня, долго пил кофе, курил, вяло перебрехивался с мамашей и уходил в свою жизнь. Или снова ложился спать. Собственно, вариантов было два.

Я пыталась как-то прибраться, что-то приготовить и бежала в институт. Через некоторое время обнаружила, что беременна. Регина Борисовна уговаривала меня сделать аборт. Она не была злодейкой, нет, она в этом была абсолютно искренна.

– Господи! – заводила она очи к небу. – Какие дети! Вам самим еще надо жопы вытирать! С ума сошли! Один – бездельник, другая – студентка. Чистой воды безумие! – Она выпускала тонкую струю дыма, а я бежала в туалет. Блевать.

Когда родилась дочка, Герман удивился. Потом он продолжал удивляться дальше. С удвоенной силой. Дочка просила есть, с ней надо было гулять, мыть

ей попу и купать ее в ванночке с чередой, в воде определенной температуры, а еще – кипятить бутылочки, бегать на молочную кухню и стирать пеленки. Он стоял над ее кроватью, и на его лице читалось выражение священного ужаса. Конечно, мы начали ругаться. Это теперь я понимаю, что было смешно требовать от такого человека ответственности. В двадцать лет. Правда, сейчас ему пятьдесят, и он остался таким же, как в юности. Трудности его пугают, проблемы выводят из себя, заботы настораживают.

Но тогда я, замученная, тощая и бледная, пыталась приобщить его к процессу. Свекровь пожалела меня (или нас?) – отнесла в антикварный браслет и наняла няню. Мне стало чуть легче, но на отношения с мужем это благотворно не повлияло. Бурная интимная жизнь, так привлекавшая нас, отпала сама собой, как болячка, – была и нет. Без следа. А больше ничего, как оказалось, нас не связывало. Не считая дочки. Герман пропадал где-то с утра до поздней ночи. Няня помогала с ребенком, а свекровь учила меня жить.

– Посмотри на себя. – Регина Борисовна брала меня за плечо и подводила к старинному мутноватому зеркалу в тяжелой золоченой раме. – Даже такой дурак, как Герман, от тебя сбежал.

Видимо, она была права. Я была похожа на призрак замка Морисвиль. Бледная, зачуханная, с хвостом на затылке, в старом, выцветшем халате. Зрелище не для слабонервных. Рядом со мной в зеркале отражалась прекрасная стройная дама с прической, макияжем и маникюром. В фиолетовом пеньюаре и с кольцами на пальцах. Несмотря на мой юный возраст, счет был явно не в мою пользу.

– Что вы хотите? – возмущалась я. – У меня грудной ребенок, сессия, уборка, обед, магазины!

– Наплевать, – отрезала свекровь, – пока ты не полюбишь себя, тебя не полюбит никто. Бог с ним, с Геркой. Он тебе не нужен. Но ты должна сделать себя и свою жизнь.

Свекровь вызвала на дом свою маникюршу, отвела меня на Калининский в «Чародейку», у своей подружки – спекулянтки Марго – купила мне французское платье-чехол, лодочки на шпильке, белый плащ и красные лаковые сапоги. Дома она вытащила из шкафа шелковый халат лимонного цвета. Мои старые клетчатые тапки, ковбойки и джинсы полетели в помойку. Свекровь предложила

мне быть красавицей, только получалось у меня плоховато. Дочка срыгивала на шелковый халат, белый плащ в автобусе автоматически превращался в серый за два дня, лаковые сапоги не выдерживали глубину луж у метро и мгновенно промокали, а маникюр испарился на второй день – я стирала ползунки и пеленки. Но все-таки я старалась. И даже если у меня все пока получалось неважно, выводы сделать ума хватало.

Дочку Марину свекровь полюбила – ну, так, как умела. Называла она ее Маритой. Так к ней и приклеилось – она и до сегодняшнего дня для всех близких и друзей Марита. Нянчить внучку Регина Борисовна не помогала, да я и не обижалась. Свекровь объясняла, что младенцы ей непонятны и неинтересны. А вот подрастет – она ее всему научит!

«Всему, пожалуй, не стоит», – возражала я про себя.

Поучала, кстати, она ее со страстью. Моя дочь оказалась способнее меня – бабкины гены.

От Германа я ушла, когда дочке было три года. Думаю, он это даже не очень-то и заметил. Хотя, нет, наверное, в квартире все же стало тише. Он продолжал жить своей веселой жизнью. Мы с ним остались друзьями. Женился он, по моему, еще раз пять. Последний раз вполне удачно – на француженке, старше его лет на пятнадцать. Она и вывезла его во Францию и даже продала какие-то его работы. Моя дочь съездила к отцу в Париж, он подарил ей свою картину, мы посмеялись и повесили картину на даче. Его жена Сесиль отдала Марите свою старую сумку от «Гермес» – в ней мы хранили документы и бумаги. Также Марите перепала старая норковая шуба, доставшаяся Сесиль от богемной матушки. Шуба эта повидала на свете многое, местами она была вытерта до кожи, да и та кожа была отполирована временем до блеска. Словом, раритет и антиквариат – единственный в нашем с Маритой доме. Из спинки многострадального манто мы вырезали наиболее сохранный кусок, и из него получился чудный коврик для нашего кота Бенвенутто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/moi-universitety>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)